

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.12.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-12-164-174

Дата принятия рукописи в печать: 05.01.2026 г.

АКСЕНОВ Алексей Григорьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
e-mail: aksenov-ag@ya.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБОРОТ ТОВАРОВ: МОЖНО ЛИ ВЫБИРАТЬ ЛЮБОЕ ПРАВО ДЛЯ КОНТРАКТА?

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу ключевого принципа международного частного права – автономии воли сторон (*lex voluntatis*). Автор исследует его практическое применение в сфере международного оборота товаров, уделяя особое внимание допустимым пределам свободы выбора применимого права. В работе детально рассмотрены механизмы действия принципа автономии воли сторон, а также ограничения данного принципа: нормы непосредственного применения (сверхимперативные нормы) и оговорка о публичном порядке. В заключении формулируется вывод о том, что эффективное использование автономии воли требует от контрагентов не только ее прямого закрепления, но и учета потенциальных императивных ограничений со стороны правопорядков, тесно связанных с международным коммерческим контрактом.

Ключевые слова: принцип автономии воли сторон, *lex voluntatis*, нормы непосредственного применения (сверхимперативные нормы), оговорка о публичном порядке, международный оборот товаров, международный коммерческий контракт.

AKSENOV Aleksey Grigorievich,
candidate of Law sciences, associate professor.
associate professor at the chair of Civil Law and Process,
Law faculty, Nizhny Novgorod State University
named after N.I. Lobachevsky

INTERNATIONAL CIRCULATION OF GOODS: IS IT POSSIBLE TO CHOOSE ANY LAW FOR A CONTRACT?

Annotation. The article is devoted to a comprehensive analysis of the key principle of international private law – the autonomy of the will of the parties (*lex voluntatis*). The author examines its practical application in the field of international circulation of goods, paying particular attention to the permissible limits of freedom of choice of applicable law. The work examines in detail the mechanisms of action of the principle of autonomy of the will of the parties, as well as the limitations of this principle: norms of direct application (super-mandatory norms) and the public order clause. In conclusion, the conclusion is formulated that the effective use of autonomy of will requires counterparties not only to directly secure it, but also to take into account potential imperative restrictions from legal systems closely related to the international commercial contract.

Key words: the principle of the autonomy of the will of the parties, *lex voluntatis*, rules of direct application (super-mandatory rules), public order clause, international circulation of goods, international commercial contract.

Международный оборот товаров, как нормативно организованный процесс трансграничного перемещения материальных ценностей, охватывает в том числе и

гражданские правоотношения с иностранным элементом. Основанием их возникновения являются международные коммерческие контракты (купли-продажи товаров, подряда, лизинга, перевозки

и др.). Для регулирования таких контрактов используются нормы международного частного права, среди которых центральное место занимают положения об автономии воли сторон и нормы, ограничивающие ее применение.

В соответствии с принципом автономии воли сторон (*lex voluntatis*) стороны могут по своему соглашению определить применимое право к международному коммерческому контракту (Значительную роль в развитии этого принципа сыграли конвенции, разработанные в рамках Гаагской конференции по международному частному праву:

- Гаагская конвенция о праве, применимом к международной купле-продаже товаров (движимых материальных вещей) 1955 года;
- Гаагская конвенция о праве, применимом к переходу права собственности при международной купле-продаже товаров (движимых материальных вещей) 1958 года;
- Гаагская конвенция о праве, применимом к международной купле-продаже товаров 1986 года. Несмотря на то, что последние две Конвенции в силу не вступили, разработка этих актов сыграла, безусловно, положительную роль, поскольку сформулированные в них положения, касающиеся принципа автономии воли сторон, определение применимого права к договору с использованием принципа тесной связи способствовали сближению позиций различных государств при выработке общих подходов в дальнейшей работе по унификации коллизионных норм на международном уровне, а в последующем были восприняты при реформировании национального законодательства ряда стран (См.: Проблемы унификации международного частного права: монография / отв. ред. А.Л. Маковский, И.О. Хлестова. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2012. С. 193 (автор главы – Шестакова М.П.).

Принцип автономии воли сторон при выборе применимого права в рамках универсальной унификации впервые закрепила Конвенция о праве, применимом к международной купле-продаже товаров (движимых материальных вещей) 1955 года (ст. 2 Конвенции).

Существенное продвижение в развитии принципа автономии воли сторон связано:

- с принятием в 1980 году Римской конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам;

- разработкой 1986 году так и не вступившей в силу Гаагской конвенции о праве, применимом к международной купле-продаже товаров;
- Межамериканской Конвенции о праве, применимом к международным контрактам 1994 года;
- а также Регламента ЕС № 593/2008 Европейского парламента и совета от 17 июня 2008 года о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам (далее Регламент ЕС («Рим 1»)), в которых воспроизводились и получали развитие наиболее важные положения, касающиеся: свободы выбора применимого права; возможности сторон выбора права, применимого к договору в целом или к его части; возможности достижения сторонами договоренности о подчинении договора иному праву, чем он регулировался ранее; применения императивных норм и др (Регламент ЕС («Рим I»)), как и другие упомянутые акты, под термином «право» понимают «право государства», т.е. избранное сторонами право должно быть современной правовой системой и стороны должны быть связаны всеми последующими изменениями с ней. Вместе с тем, в п. 13 преамбулы Регламент ЕС («Рим I») указывается, на то, что Регламент не запрещает сторонам включать посредством отсылки в свой договор негосударственное право (*non-State body of law*) или международное соглашение. Однако, окончательная судьба вопроса о применении вненациональных источников, как отмечает А.В. Асосков, находится в руках Европейского суда, который обладает компетенцией по толкованию положений Регламента).

Одним из последних международных актов, посвященных вопросам выбора права, стали принятые в 2015 году в рамках Гаагской конференции по международному частному праву Гаагские принципы о выборе права, применимого к международным контрактам. Документ не имеет обязательного характера и не является международным договором. Гаагские принципы могут использоваться: в качестве модели для национальных, региональных, наднациональных или международных актов; для толкования, дополнения или развития норм международного частного права; для использования в практике судов и арбитражей при разрешении конкретных дел (Гаагские принципы состоят из введения, преамбулы и 12 статей, включающих в себя: сферу действия принципов (1), свободу выбора применимого права (2), нормы права (3), явно выраженный или подразумеваемый выбор права (4), действительность

выбора права с точки зрения формы (5), соглашение о выборе применимого права и конфликт проформ (6), автономность соглашения о выборе права (7), исключение обратной отсылки (8), сфера действия избранного права (9), передача прав (10), преобладающие императивные положения и публичный порядок (11), деловое обзаведение (12). Следует также отметить, что текст Гаагских принципов был одобрен Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), которая рекомендовала использовать их «в соответствующих случаях, судам и третейским судам, в качестве типового образа для национальных, региональных, наднациональных или международных правовых документов; а также для толкования, дополнения и разработки норм частного международного права»).

Принцип автономии воли сторон, пусть и не в развернутом виде, а в качестве общего правила, допускающего автономию их воли, предусматривается и в международных соглашениях, заключенных в рамках СНГ - Киевском соглашении от 20 марта 1992 года о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (п. «е» ст. 11), Минской конвенции 1993 года о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (ст. 41), а также одноименной Кишиневской конвенции 2002 года [12] (ст. 44) [1].

Следует отметить, что автономию воли сторон в наиболее общем виде, т.е. как принцип абсолютной договорной свободы, а не в качестве коллизионной привязки *lex voluntatis* закрепляют акты конвенционной материальной унификации права как Конвенция ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» 1980 г. (ст. 6), Соглашение «Об общих условиях поставок товаров между организациями государств – участников Содружества Независимых Государств» 1992 г. (п. 3 разд. 1), а также акты «негосударственного регулирования» или *lex mercatoria*, широко используемые в международном торговом обороте, такие как: Принципы УНИДРУА международных коммерческих договоров (ст. 1.1.), Принципы европейского договорного права (ст. 1:102), «Принципы, определения и модельные правила европейского частного права. Проект общей справочной схемы (DCFR)» (ст. II. – 1:102) (Согласно абз. 2 п. 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» (далее - постановление Пленума ВС РФ № 24) стороны договора, осложненного иностранным элементом, вправе выбрать документы, содержащие правила, рекомендованные участникам оборота международными организациями или объединениями

государств (например, Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА, Европейские принципы договорного права, Модельные правила европейского частного права). Такие правила применяются только при наличии прямо выраженного соглашения сторон. Вопросы, которые не могут быть решены в соответствии с такими выбранными сторонами документами, а также общими принципами, на которых они основаны, подлежат разрешению в соответствии с внутригосударственным правом, определенным в соответствии с соглашением сторон или коллизионными нормами (см.: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10). Вместе с тем, в отличие от государственных судов, международные коммерческие арбитражи более свободны в применении *lex mercatoria*, справедливости и квазиправовых норм (подробнее см.: Канашевский В.А. Международное частное право. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Международные отношения, 2016. С. 357-358).

Принцип автономии воли сторон широко используется в национальном праве разных стран, в том числе и в России.

В отечественном законодательстве данный принцип впервые был закреплен в Основях гражданского законодательства СССР 1961 г. (ст. 126) и дальнейшее развитие получил в Основях гражданского законодательства СССР 1991 г. в ст. 166 которая предусматривала, что права и обязанности сторон по внешнеэкономическим сделкам определяются по праву страны, избранному сторонами при совершении сделки или в силу последующего соглашения (Л.А. Лунц указывал, что принцип автономии воли надо понимать как одно из коллизионных начал действующего права данного государства. Автономия воли является не источником коллизионного права, а одной из коллизионных норм или одним из коллизионных институтов права, установленных внутренним правопорядком государства или его международным соглашением).

В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее ГК РФ) (ст. 1210) принцип автономии воли сторон выступает исходной коллизионной привязкой для регулирования договорных обязательств, включая обязательства из международной купли-продажи товаров.

Так, согласно п. 1 ст. 1210 ГК РФ стороны договора могут при заключении договора или в последующем выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору. Таким образом, стороны договора международной куп-

ли-продажи товаров вправе избрать в качестве применимого права к нему любое национальное право, включая право третьего государства, которое не имеет связей с договором или с его сторонами. При этом под термином «право» нужно понимать лишь объективное право – действующее право существующего государства.

Соглашение сторон о выборе подлежащего применению права должно быть прямо выражено или должно определенно вытекать из условий договора либо совокупности обстоятельств дела (п. 2 ст. 1210 ГК РФ).

Если с прямо выраженным в договоре соглашением о выборе применимого права вопросов на практике, как правило, не возникает, то наличие такого соглашения, определенного из «совокупности обстоятельств дела» может вызывать определенные трудности. Отсутствие прямого указания сторон на подлежащее применению право не ведет к автоматическому применению судом соответствующих коллизионных норм, и только установив, что стороны ни прямо, ни косвенно не согласовали применимое право, суд применяет необходимую коллизионную норму. В этой связи чрезвычайно актуальным является вопрос о подразумеваемых соглашениях о выборе применимого права, допускаемых в правоприменительной практике [2].

Существуют различные способы достижения сторонами соглашения о выборе применимого права. Основными из них являются: закрепление соглашения в тексте договора; подписание сторонами отдельного соглашения по вопросу выбора применимого права; ссылка сторон в соглашении на международный акт, содержащий предписание по вопросу выбора применимого права; достижение соглашения путем установления между сторонами практики подчинения своих отношений определенной правовой системе; обмен сторонами документами, в т.ч. процессуального характера (исковым заявлением и отзывом (возражениями) на иск [13] и т.п.).

Вместе с тем следует особо отметить, что сам по себе выбор сторон суда того или иного государства или международного коммерческого арбитража в качестве компетентного рассматривать их спор сам по себе не означает выбор в качестве применимого материального права государства места рассмотрения спора / нахождения суда, на что обращается внимание, в частности, в п. 43 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.06.2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» [14].

Согласно п. 3 ст. 1210 ГК РФ выбор права подлежащего применению, сделанный после

заключения договора, имеет обратную силу и считается действительным, без ущерба для прав третьих лиц и действительности сделки с точки зрения требований к ее форме, с момента заключения договора.

Таким образом, последующее соглашение сторон о применимом праве может быть заключено и суде/арбитраже при рассмотрении спора, но в любом случае до вынесения судом/арбитражем решения по существу спора (Так, при рассмотрении в Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной Палате Российской Федерации спора между российской организацией и германской фирмой арбитраж установил, что в контракте международной купли-продажи стороны не определили применимое право. Вместе с тем в исковом заявлении покупатель (российская организация) утверждал, что в соответствии с п. 3 ст. 1211 ГК РФ контракт должен регулироваться правом Германии. Во встречном иске продавец также ссылаясь на нормы германского права. Это послужило основанием для арбитража прийти к выводу, что «стороны контракта после его заключения достигли соглашения о применении к нему права Германии и что указанное соглашение сторон действует с момента заключения контракта»).

Еще одному из аспектов автономии воли сторон, которому отечественный законодатель уделяет внимание, а именно: возможности сторон договора выбрать подлежащее применению право как для договора в целом, так и для отдельных его частей (п. 4 ст. 1210 ГК РФ). В международном частном праве такая ситуация именуется юридической биотехнологией или расщеплением договорного статута.

Сегодня большая часть специалистов положительно оценивает прямое закрепление возможности «деления» договорного статута, объясняя это стремлением законодателя обеспечить «более полное и свободное волеизъявление сторон». Вместе с тем, выбор сторонами права не должен быть внутренне противоречивым и логически несовместимым, иными словами, часть договора должны быть отделимой от остальной его части так, чтобы составлять подгруппу прав и обязанностей, которая может рассматриваться отдельно от основного контракта. В противном случае выбор права судом признаваться не будет [8].

Имеющаяся практика применения п. 4 ст. 1210 ГК РФ показывает, что стороны договора в основном ограничиваются оговоркой о праве, применимом к части договора, оставляя открытым вопрос о праве, регламентирующем оставшийся спектр договорных отношений сторон. В таком случае арбитражная практика использует подход,

согласно которому регулирование одного аспекта договора правом одной страны не означает, что это и есть право, регулирующее договор в целом. Однако это не исключает того, что право избранное сторонами к части договора, совпадет с правом, регулирующим договор в целом.

Если стороны в общей форме указали на применение к договору законодательства нескольких государств, то суд будет вынужден признать выбор права несостоявшимся и определить применимое право на основе коллизионных норм.

Таким образом, в литературе обоснованно отмечается, что к п. 4 ст. 1210 ГК РФ имеет смысл прибегать лишь в случае его очевидной целесообразности и необходимости (например, в сложных комплексных сделках, смешанных договорах).

Согласно п. 5 ст. 1210 ГК РФ, если в момент выбора сторонами договора подлежащего применению права все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной, выбор сторонами права другой страны не может затрагивать действие императивных норм права той страны, с которой связаны все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства.

Правило п. 5 ст. 1210 ГК РФ может использоваться судами в случае, когда все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной (например, при заключении российскими сторонами договора поставки в г. Минск (Республика Беларусь) или г. Астане (Республика Казахстан), с его исполнением обязательств на территории Российской Федерации). В этом случае выбор сторонами права иной страны (Республики Беларусь или Республики Казахстан) не может затрагивать действие императивных норм права той страны (в приведенном примере права Российской Федерации), с которой связаны все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства. Таким образом, суд в указанном примере лишит значимости выбор применимого права сторонами, применив к договору поставки все императивные нормы российского законодательства.

Отсутствие в российском законодательстве специального правила относительно формы соглашения о применимом праве дает основание заключить, что в этом случае могут применяться общие требования о форме гражданско-правовых сделок, поскольку их применение не будет находиться в противоречии с особым характером и целью такого соглашения.

Более того, признание недействительным основного договора не влечет автоматического признания недействительным соглашения о выборе права, являвшегося составной частью этого договора в силу его автономности действия

и избранное сторонами право может применяться, в частности, к установлению правовых последствий недействительности договора [15].

Учитывая наличие в международном частном праве ограничений применения иностранного права, действие принципа автономии воли сторон не безгранично.

В качестве основных защитных инструментов, ограничивающих применение иностранного права в рассматриваемом аспекте, выступают нормы непосредственного применения (или сверхимперативные нормы) и оговорка о публичном порядке [1].

Нормы непосредственного применения. В любой правовой системе есть круг особых материально-правовых норм, которые применяются всегда, независимо от компетентного правопорядка. К числу таких норм относятся нормы непосредственного применения или сверхимперативные нормы [16].

Приоритет действия сверхимперативных норм находит свое отражение в: национальных законах (см., например, ст. 7 Книги 10. Международное частное право Гражданского кодекса Нидерландов, ст. 4 Закона КНР о применении права к гражданско-правовым отношениям с иностранным элементом и др.); международных договорах (см., например, ст. 9 Регламента (ЕС) № 593/2008 Европейского парламента и Совета от 17 июня 2008 г. «О праве, применимом к договорным обязательствам» (далее - Регламент ЕС «Рим-I»), ст. 11 Межамериканской конвенции о праве, применимом к международным контрактам, 1994 г.); рекомендательных международных правовых актах (см, в частности, ст. 1.4 Принципов УНИДРУА международных коммерческих договоров 2016 г.) [17].

В России в силу п. 1 ст. 1192 ГК РФ применение иностранного права не должно затрагивать действие тех императивных норм законодательства Российской Федерации, которые вследствие указания в самих императивных нормах или ввиду их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота, регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права (нормы непосредственного применения).

В доктрине и практике данный вид сверхимперативных норм принято разделять на две группы (или по двум критериям) – на императивные нормы законодательства Российской Федерации вследствие указания в самих императивных нормах и императивные нормы законодательства Российской Федерации ввиду их особого значения.

Вместе с этим законодательство Российской Федерации не определяет четкого круга норм

непосредственного применения, применяемых ввиду их особого значения. Поэтому отнесение той или иной нормы к таким нормам имеет во многом оценочный характер, остается одной из ключевых проблем и является предметом научной полемики [18]. В этой связи представляется важным разъяснение Пленума Верховного Суда РФ № 24, в п. 10 которого указывается, что императивная норма права имеет особое значение и относится к нормам непосредственного применения, если она имеет своей основной целью защиту публичного интереса, связанного с основами построения экономической, политической или правовой системы государства.

Согласно п. 2 ст. 1192 ГК РФ при применении права какой-либо страны суд может принять во внимание императивные нормы права другой страны, имеющей тесную связь с отношением, если согласно праву этой страны такие нормы являются нормами непосредственного применения. При этом суд должен учитывать назначение и характер таких норм, а также последствия их применения или неприменения.

В силу п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 суд может принять во внимание иностранную норму непосредственного применения в зависимости от критериев, перечисленных в пункте 2 статьи 1192 ГК РФ (Из анализа данной нормы вытекает, что решение вопроса о том, являются ли нормы иностранных государств сверхимперативными для их применения российским судом (независимо от подлежащего применению права), зависит как от того, имеется ли связь этих норм с договором, а также от соответствующего иностранного права).

В литературе приводится пример одного из наиболее известных дел, в которых стоял вопрос о применении сверхимперативной нормы третьей страны, - рассмотренное в голландском суде. Спор возник из договора на поставку оборудования для газопровода, конечным получателем которого выступало советское внешнеторговое объединение «Машприборинторг». После заключения договора, но до осуществления поставки товара Президент США Рейган издал распоряжение, согласно которому запрещался экспорт в СССР всех технологий и оборудования, связанного с добычей и использованием нефти и газа. Действие данного акта было распространено не только на зарегистрированные в США юридические лица, но и на любые организации, находящиеся под контролем американских граждан или корпораций, вне зависимости от места их регистрации и места осуществления деятельности, в силу чего продавец (голландская компания), находившаяся под контролем американской корпорации попала под действие указанного распоряже-

ния американского президента. При рассмотрении иска покупателя о понуждении продавца к исполнению обязательства и уплате договорной неустойки, голландский суд в рамках применимого голландского права отказался от учета американской сверхимперативной нормы, ввиду отсутствия достаточной связи между контрактом и соответствующим иностранным правом. Также голландский суд пришел к выводу, что установленная американским президентом персональная сфера действия распоряжения является чрезмерной и противоречит сложившимся международно-правовым стандартам).

Предметом научной дискуссии является и вопрос о допустимости применения в качестве сверхимперативных норм публично-правовых предписаний закона.

Сторонники одного из подходов исходят из невозможности квалификации таких норм в качестве сверхимперативных, поскольку считают, что эти нормы имеют строго территориальный характер и действуют независимо от гражданского, частного права (российского или иностранного) в силу своей публично-правовой природы. Отнесение их к числу сверхимперативных необоснованно размывает границы международного частного права [5].

В последнее время в доктрине и на практике все большее распространение получает другой подход, согласно которому специальные публично-правовые нормы, оказывающие непосредственное влияние на частноправовые отношения, в т. ч. вводящие запрет на совершение сделок с иностранными лицами, могли бы быть квалифицированы в качестве сверхимперативных норм [19]. Именно второй подход является преобладающим в доктрине большинства зарубежных стран и, в частности, находит свое подтверждение, в частности, в материалах, подготовленных в ходе работы над проектом Регламента ЕС «Рим I», в комментариях к Принципам УНИДРУА международных коммерческих договоров в ред. 2016 г. (далее Принципы УНИДРУА), а также других документов [20].

Вместе с этим, на наш взгляд, необходимо отличать допустимую конвергенцию публично-правовых и частноправовых норм от интервенции иностранного публичного права, т.е. неправомерного вторжения иностранных публично-правовых норм в частноправовую сферу. В качестве примера такой интервенции можно привести введение западными странами против российских юридических и физических лиц односторонних санкционных запретов и ограничений во внешней торговле, нарушающих их права и охраняемые законом интересы, и в целом посягающие на суверенитет и безопасность Российской Федерации [1].

В соответствии с п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 суд обязан отказаться в применении иностранной нормы непосредственного применения, если ее назначение и характер несовместимы с основами правопорядка (публичным порядком) Российской Федерации, затрагивают суверенитет или безопасность Российской Федерации, нарушают конституционные права и свободы российских граждан и юридических лиц.

Оговорка о публичном порядке. Оговорка о публичном порядке предусматривается в национальном законодательстве практически всех государств. Основная цель оговорки – не допустить применение иностранного закона, нарушающего публичный порядок страны суда (Следует отметить, что в науке выделяют публичный порядок в смысле международного частного права («международный публичный порядок») и «внутренний публичный порядок», которые, в свою очередь, не являются принципиально различными правовыми категориями, но первый призван урегулировать отношения с участием иностранного элемента, т.е. правоотношения, возникающие в международном обороте, второй – правовые отношения внутренние, т.е. правоотношения без участия иностранного элемента (См. подробнее: Международное частное право: учебник. Т. 1. Общая часть /отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. Указ. соч. С.320-321). Международный публичный порядок следует отличать от транснационального или действительно международного публичного порядка (*transnational or truly international public policy*), к которому относятся общепризнанные принципы международного права, Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека ООН 1948 г. и др. Его целью является защита определенных международных ценностей и в качестве примеров приводятся принципы запрета: расовой и религиозной дискриминации, рабства, коррупции, контрабанды, похищения детей, пиратства и т.д. (о различии данных понятий см., например: *Lalive P. Transnational (or Truly International) Public Policy and International Arbitration // Comparative Arbitration Practice and Public Policy in Arbitration / Ed. P. Sanders. ICCA Congress Series, 1986. New York. Vol. 3. Kluwer Law International, 1987. P. 258 – 318*). Закреплена такая оговорка и в российском законодательстве.

Согласно ст. 1193 ГК РФ подлежащая применению норма иностранного права в исключительных случаях не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации с учетом характера отношений, осложненных иностранным элементом. В этом случае при необходимости применяется соответствующая

норма российского права. Вместе с этим, отказ в применении нормы иностранного права не может быть основан только на отличии правовой, политической или экономической системы соответствующего иностранного государства от правовой, политической или экономической системы Российской Федерации.

Для правильного применения данного института прежде всего необходимо определить, что понимается под публичным порядком Российской Федерации? Так, согласно п. 51 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» [21] под публичным порядком понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства.

Наукой и судебной практикой в качестве таких фундаментальных правовых начал выделяются: общепризнанные принципы и нормы международного права, являющиеся в силу ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации частью ее правовой системы; основные принципы, закрепленные в Конституции Российской Федерации и законах Российской Федерации [22]; запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации (ст. 1192 ГК РФ), если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства; общепризнанные принципы морали и нравственности и т.п. При этом следует особо отметить, что обращение к оговорке о публичном порядке как основании для отказа в применении норм иностранного права имеет исключительный, экстраординарный характер и допустимо лишь в случае явного противоречия, посягательства на основополагающие правовые начала Российской Федерации негативных последствий применения иностранной нормы права, выражающихся, в частности, в нанесении ущерба суверенитету или безопасности Российской Федерации, нарушении интересов больших социальных групп, а также конституционных прав и свобод отдельных категорий лиц.

Таким образом, основания для неприменения иностранной правовой нормы проявляются в ее свойствах, делающих иностранную правовую норму неприменимой, что отражает суть негативной концепции оговорки о публичном порядке. Напротив, позитивная концепция предполагает наличие в национальном законодательстве мате-

риально-правовых норм и принципов страны суда, подлежащих применению для защиты общественных и моральных ценностей всегда, что исключает применение соответствующей нормы иностранного права в принципе, независимо от ее свойств. В зарубежном национальном законодательстве абсолютного большинства стран, а также в международных договорах оговорка о публичном порядке используется в негативном варианте [23]. Кроме этого, ст. 1193 ГК РФ не допускает применение оговорки о публичном порядке, основанном только на различии правовой, политической или экономической системы иностранного государства от правовой, политической или экономической системы Российской Федерации (Так, в одном из дел Верховный Суд Российской Федерации указал, что содержание понятия публичный порядок не совпадает с содержанием национального законодательства Российской Федерации. Поскольку законодательство Российской Федерации допускает применение норм иностранного государства, наличие принципиального различия между российским законом и законом другого государства само по себе не может быть основанием для применения оговорки о публичном порядке. Такое применение этой оговорки означает отрицание применения в Российской Федерации права иностранного государства вообще. Под публичным порядком Российской Федерации понимаются основы общественного строя Российского государства. Оговорка о публичном порядке возможна лишь в тех отдельных случаях, когда применение иностранного закона могло бы породить результат, недопустимый с точки зрения российского правосознания. См.: определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 сентября 1998 г. по делу № 5-Г98-60 // СПС «КонсультантПлюс»).

На практике российские суды нередко чрезмерно расширительно толкуют категорию публичного порядка, которой посвящена ст. 1193 ГК РФ. Особенно актуален этот вопрос для сферы признания и приведения в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений, где ссылка на нарушение публичного порядка становится для ответчика едва ли не единственным материально-правовым основанием для блокирования иностранного решения на территории России, на что обращалось внимание в литературе [2]. Так, в Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. закреплено правило о том, что в признании и приведении в исполнение арбитражного решения международного коммерческого арбитража может быть отказано, если компетентная власть страны, в которой испрашивается признание и приведение в исполнение, найдет, что

признание и приведение в исполнение этого решения противоречат публичному порядку этой страны (п. 2«b» ст. V). Установлена норма об основании для отказа в признании и исполнении иностранного судебного решения государственного суда по мотиву нарушения публичного порядка запрашиваемого государства и в п. 1«с» ст. 7 Гаагской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам 2019 г.

В российском законодательстве положения об отказе в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных и судебных решений в случае нарушения публичного порядка Российской Федерации предусматриваются в п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ, п. 5 ч. 1 ст. 412, п. 2 ч. 1 ст. 417 ГПК РФ, подп. 2 п. 1 ст. 36 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже». В этой связи важное значение для формирования судебной практики имеет информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26.02.2013 г. № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» (Согласно указанному обзору концепция публичного порядка применялась судами в связи с отказом в исполнении решения третейского суда, проходившего на территории РФ, принятого без учета валютного законодательства РФ; отказом в исполнении решения иностранного коммерческого арбитража, принятого без учета вступивших в законную силу решений российских государственных арбитражных судов о признании договора недействительным; взысканием неустойки по неисполненному контракту, заключенному в результате коммерческого подкупа уполномоченного лица и др. (см.: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26.02.2013 г. № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // СПС «КонсультантПлюс»).

В случае выявления судом нарушения публичного порядка Российской Федерации при необходимости подлежит применению российское право.

Таким образом, отвечая на вопрос, вынесенный в заголовок, можно констатировать: стороны международного коммерческого контракта действительно обладают значительной свободой в выборе права, что является краеугольным камнем современного международного частного права. Однако эта «автономия» существует в четко очер-

ченных правовых рамках. Она находит свои пределы в действии двух ключевых механизмов: норм непосредственного применения (сверхимперативных норм) и оговорки о публичном порядке. Следовательно, эффективное использование принципа автономии воли требует от участников международного оборота не только ясного формулирования своего выбора в контракте, но и тщательного учета потенциальных ограничений, исходящих от права страны суда и других тесно связанных со сделкой правопорядков.

Список литературы:

- [1] Аксенов А.Г. Договор международной купли-продажи товаров между субъектами предпринимательской деятельности стран СНГ.–М.: Инфотропик Медиа, 2012. С 48-61.
- [2] Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 98-156.
- [3] Асосков А.В. Основы коллизионного права. - М: Инфотропик Медиа, 2012. С. 160-161.
- [4] Засемкова О.Ф. Сверхимперативные нормы: теория и практика. – М.: Инфотропик Медиа, 2018. С.64-70.
- [5] Канашевский В.А. Международное частное право. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Международные отношения, 2016. С. 357-358.
- [6] Канашевский В.А. Международные сделки: правовое регулирование. – М.: Международные отношения, 2016. С. 15-28.
- [7] Лунц Л.А. Курс международного частного права. Общая часть. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2005. С. 212.
- [8] Международное частное право: Учебник. В 2 т. Т. 2: Особенная часть / Отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. – М.: Статут. 2015. С. 199-201.
- [9] Международное частное право: учебник / В.Н. Борисов, Н.В. Власова, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. Н.И. Марышева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ООО «Юридическая фирма Контракт», 2018. С.80-84.
- [10] Council Document 13035/06 ADD. 16.02.2006 // McParland M. The Rome I Regulation on the Law Applicable to Contractual Obligations. Oxford, 2015. P. 690.
- [11] Lalive P. Transnational (or Truly International) Public Policy and International Arbitration // Comparative Arbitration Practice and Public Policy in Arbitration / Ed. P. Sanders. ICCA Congress Series, 1986. New York. Vol. 3. Kluwer Law International, 1987. P. 258 – 318.
- [12] В Российской Федерации Кишиневский вариант Конвенции был ратифицирован Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 452-ФЗ

«О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам», который вступил в силу на основании п. 2 ст. 120 Конвенции с 28 июня 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[13] На допустимость достижения соглашения о выборе применимого права подобным способом ранее указывалось, в частности, в п. 13 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 г. № 158 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц», и неоднократно подтверждалось практикой международных коммерческих арбитражей.

[14] См: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.06.2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, август 2017, № 8.

[15] См.: Комментарий к Гражданскому кодексу российской Федерации части третьей (постатейный). 4-е изж., исправленное и дополненное /Отв. ред.: доктора юридических наук, заслуженные деятели науки Российской Федерации Н.И. Марышева, К.Б. Ярошенко. – М.: Юридическая фирма «Контракт», 2014. С. 532.

[16] В новой редакции ст. 1192 ГК РФ используется термин «нормы непосредственного применения». Он синонимичен по отношению к термину «сверхимперативные нормы» и отражает правовую природу этой особой категории норм, которые применяются «непосредственно», то есть минуя коллизионные нормы и соглашение сторон о выборе применимого права. Обращение к специальному термину помогает подчеркнуть, что во всех иных случаях употребления выражения «императивные нормы» в разделе VI ГК РФ (п. 5 ст. 1210, п. п. 1 и 4 ст. 1212, п. 1 ст. 1214, п. 2 ст. 1223.1) законодатель имеет в виду императивные нормы в широком значении (используемом в ст. 422 ГК РФ), а не в узком значении норм непосредственного применения (Асосков А.В. Реформа раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ // Хозяйство и право. 2014. № 2. С. 3-28).

[17] Для выделения особых императивных норм используются следующие термины: «императивные нормы МЧП» (англ. conflicts-mandatory rules или mandatory rules in international sense), «сверхимперативные нормы» (англ. overriding rules), «нормы непосредственного применения» (фр. lois d'application immediate, lois d'application necessaire), в Голландии - приоритетные нормы

(voorrangsregels), в Германии - вторгающиеся нормы (eingriffsnormen) и др. (Международное частное право: учебник. Т. 1. Общая часть /отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. Указ. соч. С. 326-327).

[18] Так, например, В.П. Звекон небезосновательно отмечал, что термин «особое значение» позволяет, отнести к правилам такого рода гражданско-правовые установления, которые, оставаясь частью гражданского права, выражают публично-правовые интересы, выступают как бы продолжением публично-правовых начал в частном праве. В качестве таких правил могут рассматриваться, например, положения п. 3 ст. 1 (о свободном перемещении товаров, услуг и финансовых средств на всей территории РФ), ст. 208 (о требованиях, на которые исковая давность не распространяется) ГК РФ. Кроме этого, в одной из редакций проекта статьи об императивных нормах части третьей ГК РФ (ред. от 23 октября 1996 г.) к их числу были отнесены, в частности, нормы об основных началах гражданского законодательства (ст. 1 ГК РФ), о пределах осуществления гражданских прав (п. 1 ст. 10), о недействительности сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка и нравственности (ч. 1 ст. 169), о свободе договора (п. 1 ст. 421) (Международное частное право: учебник / В.Н. Борисов, Н.В. Власова, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. Н.И. Марышева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ООО «Юридическая фирма Контракт», 2018. С.80-84).

[19] Комментарий к Гражданскому кодексу российской Федерации части третьей (постатейный). 4-е изд., исправленное и дополненное / Отв. ред.: доктора юридических наук, заслуженные деятели науки Российской Федерации Н.И. Марышева, К.Б. Ярошенко. Указ. соч. С. 432 (автор комментария к статье - А.С. Комаров).

[20] См.: Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 / пер. и вступ. А.С. Комарова. – Москва: Статут, 2020; Council Document 13035/06 ADD. 16.02.2006 // McParland M. The Rome I Regulation on the Law Applicable to Contractual Obligations. Oxford, 2015. P. 690; Засемкова О.Ф. Сверхимперативные нормы: теория и практика. – М.: Инфотропик Медиа, 2018. С.64-70.

[21] См.: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Бюллетень Верховного Суда РФ // СПС «Консультант-Плюс».

[22] См.: постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 02.06.1999 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 11.

[23] См., например, ст. 6 Конвенции о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, 1955 г., ст. 21 Регламента ЕС «Рим I».

References:

[1] Aksenov A.G. Contract of international sale and purchase of goods between business entities of SNG.-M. countries: Infotropic Media, 2012. FROM 48-61.

[2] Asoskov A.V. Conflict regulation of contractual obligations. - M.: Infotropic Media, 2012. S. 98-156.

[3] A.V. Asoskov. Fundamentals of conflict of laws. - M: Infotropic Media, 2012. S. 160-161.

[4] Zasemkova O.F. Superpermanent norms: theory and practice. - M.: Infotropic Media, 2018. S.64-70.

[5] Kanashevsky V.A. Private international law. - 3rd ed., Revised. and add. - M.: International relations, 2016. S. 357-358.

[6] Kanashevsky V.A. International transactions: legal regulation. - M.: International relations, 2016. S. 15-28.

[7] Luntz LA Private International Law Course. General part. - M.: CJSC Justicinform, 2005. P. 212.

[8] Private international law: Textbook. In 2 vols. T. 2: Special part/Rev. ed. S.N. Lebedev, E.V. Kabatova. - M.: Statute. 2015. PP. 199-201.

[9] International private law: textbook/V.N. Borisov, N.V. Vlasova, N.G. Doronina et al.; resp. ed. N.I. Marysheva. - 4th ed., Revised. and additional - M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; LLC "Law Firm Contract," 2018. S.80-84.

[10] Council Document 13035/06 ADD. 16.02.2006 // McParland M. The Rome I Regulation on the Law Applicable to Contractual Obligations. Oxford, 2015. P. 690.

[11] Lalive P. Transnational (or Truly International) Public Policy and International Arbitration // Comparative Arbitration Practice and Public Policy in Arbitration / Ed. P. Sanders. ICCA Congress Series, 1986. New York. Vol. 3. Kluwer Law International, 1987. P. 258 – 318.

[12] In the Russian Federation, the Chisinau version of the Convention was ratified by Federal Law of December 30, 2021 No. 452-FZ "On Ratification of the Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Cases," which entered into force on the basis of paragraph 2 of Art. 120 of the Convention from June 28, 2023//SPS "ConsultantPlus."

[13] The admissibility of reaching an agreement on the choice of applicable law in this way was previ-

ously indicated, in particular, in paragraph 13 of the information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 09.07.2013 No. 158 "Review of judicial practice on certain issues related to the consideration by arbitration courts of cases involving foreign persons," and was repeatedly confirmed by the practice of international commercial arbitration.

[14] See: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.06.2017 No. 23 "On the Consideration by Arbitration Courts of Cases on Economic Disputes Arising from Relations Complicated by a Foreign Element" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, August 2017, No. 8.

[15] See: Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, Part Three (itemized). 4th ed., revised and supplemented/Rev. ed.: Doctors of Law, Honored Scientists of the Russian Federation N.I. Marysheva, K.B. Yaroshenko. - M.: Law firm "Contract," 2014. S. 532.

[16] The new version of Art. 1192 of the Civil Code of the Russian Federation uses the term "norms of direct application." It is synonymous with the term "super-imperative rules" and reflects the legal nature of this special category of rules that apply "directly," that is, bypassing the conflict rules and the agreement of the parties on the choice of applicable law. Referring to a special term helps to emphasize that in all other cases of using the expression "imperative norms" in section VI of the Civil Code of the Russian Federation (clause 5 of article 1210, clauses 1 and 4 of article 1212, clause 1 of article 1214, clause 2 of article 1223.1) the legislator has in mind imperative norms in a broad sense (used in Art. 422 of the Civil Code of the Russian Federation), and not in the narrow meaning of the norms of direct application (Asoskov A.V. Reform of Section VI "International Private Law" of the Civil Code of the Russian Federation // Economy and Law. 2014. № 2. S. 3-28).

[17] The following terms are used to distinguish special imperative rules: "conflicts-mandatory rules" or "mandatory rules in international sense," "overriding rules," "lois d'application immediate, lois d'application necessaire), in Holland - priority norms (voorrangsregels), in Germany - invading norms (eintriffsnormen), etc. (International private law: textbook. VOL. 1. Common part/hole. ed. S.N. Lebedev, E.V. Kabatova. Decree. Op. S. 326-327).

[18] So, for example, V.P. Zvekov reasonably noted that the term "special meaning" allows, to refer to the rules of this kind of civil law, which, remaining part of civil law, express public law interests, act as if

a continuation of public law principles in private law. As such rules, for example, the provisions of paragraph 3 of Art. 1 (on the free movement of goods, services and financial resources throughout the territory of the Russian Federation), Art. 208 (on requirements that are not subject to statute of limitations) of the Civil Code of the Russian Federation. In addition, in one of the editions of the draft article on the imperative norms of part three of the Civil Code of the Russian Federation (as amended on October 23, 1996) these included, in particular, the rules on the basic principles of civil law (Article 1 of the Civil Code of the Russian Federation), on the limits of the exercise of civil rights (paragraph 1 of Article 10), on the invalidity of a transaction made for the purpose contrary to the foundations of law and order and morality (part 1 of article 169), on freedom of contract (clause 1 of article 421) (Private international law: textbook/V.N. Borisov, N.V. Vlasova, N.G. Doronina et al.; resp. ed. N.I. Marysheva. - 4th ed., Revised and additional - M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; LLC "Law Firm Contract," 2018. S.80-84).

[19] Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, part three (article-by-article). 4th ed., revised and supplemented/Rev. ed.: Doctors of Law, Honored Scientists of the Russian Federation N.I. Marysheva, K.B. Yaroshenko. Decree. Op. S. 432 (author of the commentary on the article - A.S. Komarov).

[20] See: UNIDROIT International Commercial Treaty Principles 2016/trans and entry. A.S. Komarova. - Moscow: Statute, 2020; Council Document 13035/06 ADD. 16.02.2006 // McParland M. The Rome I Regulation on the Law Applicable to Contractual Obligations. Oxford, 2015. P. 690; Zasemkova O.F. Superpermanent norms: theory and practice. - M.: Infotopic Media, 2018. S.64-70.

[21] See: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 10, 2019 No. 53 "On the fulfillment by the courts of the Russian Federation of the functions of assistance and control in relation to arbitration, international commercial arbitration" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation // SPS ConsultantPlus. "

[22] See: Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of 02.06.1999 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1999. № 11.

[23] See, for example, Art. 6 of the Convention on the Law Applicable to the International Sale of Goods, 1955, Art. 21 of the EU Rome I Regulation.

